

*Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:*

Мама мыла раму

Счастливо оставаться!

Дай на прощанье обещанье

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

Не девушка, а крем-брюле

А другой мне не надо

*Три женщины
одного мужчины*

Татьяна БУЛАТОВА

*Не девушка,
а крем-брюле*

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *А. Старикова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Булатова, Татьяна.
Б90 Не девушка, а крем-брюле / Татьяна Булатова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Дочки-матери. Проза Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-699-93463-8

Все девочки верят в Прекрасного Принца. Потом они вырастают и понимают, что принцы бывают только в сказках. Но Василиса, которую жестокие одноклассники дразнили Периной, точно знала, что принцы существуют. Ее, во всяком случае, Принц ждет и непременно дождетя, ведь он обещал, что, когда она вырастет, он обязательно ее найдет и женится на ней. У этого Принца не было белого коня, белого плаща и прочих атрибутов сказочного героя. Но парень в спортивной майке был таким обаятельным и говорил так уверенно, что Василиса ему поверила.

Шли годы. Подружки выходили замуж, рожали детей, влюблялись и расставались, а Василиса — просто спокойно жила, не сомневаясь, что каждый прожитый день — шаг навстречу к нему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93463-8

© Федорова Т. Н., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

В то, что судьба существует, Василиса верила безоговорочно. Потому что ничем другим объяснить то, что произошло с ней, просто невозможно. Откуда бы тогда взялись солнечный полдень, пустой трамвай и веселый длинноволосый парень в белой футболке с надписью «Спартак»? «По-моему, была еще мама», — вспоминала Василиса и с усердием сдвигала свои бесцветные брови.

— Альбинос? — с сочувствием спрашивали ее родители.

— Сами вы альбинос! — обижались они и от всего сердца хватали дочь за руку, чтобы не исчезла в воздухе, вся такая беленькая. И только тот веселый и длинноволосый из пустого трамвая, катившего в солнечном полдне, произнес, расплывшись в щедрой улыбке, неопишемое по своей красоте и загадочности слово «КРЕМ-БРЮЛЕ».

От счастья девочка ткнулась белой головой в цветастый материнский бок и замерла.

— Стесняется, — объяснила Василисина мама и пошла красными пятнами от радостного вол-

нения, потому что впервые никакой не альбинос, а благородное крем-брюле.

— Эх! — признался длинноволосый. — Жалко, маленькая! А то бы женился!

— Я не маленькая, — пробурчала Василиса и выглянула из укрытия.

— Маленькая, — вмешалась мама и безуспешно попыталась усадить дочь на лакированное красное сиденье.

— А она вырастет, — вступился за будущую невесту длинноволосый и, присев на корточки, взял девочку за пухлую влажную ручку.

— Расти быстрее, крем-брюле! — всерьез попросил он Василису. — А потом я тебя найду и женюсь. Ладно?

— Ладно, — шепотом пообещала девочка и подняла глаза.

— Вот и договорились, — улыбнулся попутчик и, поцеловав Василису в макушку, выскользнул в разъехавшиеся со скрипом трамвайные двери на следующей остановке.

— Ушел, — чуть не заплакала девочка и забралась с ногами на красное пышущее жаром сиденье.

— Опустит ноги, — буднично произнесла мама и, не проверив, прислушалась ли дочь к замечанию, стала смотреть в окно и думать про свою личную жизнь с грустью. Ей было уже тридцать пять лет, муж любил ее раз в неделю, по субботам, и даже иногда обещал сводить в театр. Но

Не девушка, а крем-брюле

как только наступало воскресенье, он благополучно забывал об этом. Не до того: впереди рабочая неделя, нужно отдохнуть. И уж точно не в театре, а по-простому, как привыкли, у телевизора или на природе, с удочкой.

— Не выходи замуж, Васька, — в сердцах посоветовала она дочери и чуть не заплакала от обиды.

— Почему? — удивилась та, пытаясь разглядеть за мутным трамвайным окном своего нареченного. И мать не нашлась, что ответить. И ушла в другой конец вагона, чтобы посидеть в одиночестве и подумать о жизни. Так они и ехали еще две остановки отдельно друг от друга, мать и дочь, залитые солнцем, в лучах которого плавала серебристая пыльная взвесь.

А потом на рыночной площади в вагон вошли пассажиры. Много пассажиров. Набились, как цветные карандаши в узкий пенал. И особо нервные с осуждением смотрели на сидевшую у окна на отдельном красном сиденье белую девочку, похожую на альбиноса. И мать быстро почувствовала негодование пассажиров в адрес дочери и пробралась к своему сокровищу, чтобы закрыть его от недоброжелательных глаз цветастой спиной. Так они и протомились, сросшись телами, еще пять длинных остановок, чтобы потом вместе выйти в измученный летней жарой мир, посреди которого сиротливо торчал киоск с надписью «МОРОЖЕНОЕ».

— Хочешь? — вяло предложила Василисе мама, прижимая к груди сплетенную из искусственной оранжевой соломки сумочку.

— Хочу, — вяло ответила девочка.

— Пломбир или крем-брюле? — поинтересовалась из окошечка продавщица, хлопнув целлюлоидными веками, покрытыми плотным слоем синих, под цвет киоска, теней.

Услышав заветное «или крем-брюле», Василиса с мольбой посмотрела на утомленную мать и чуть слышно произнесла:

— Крем-брюле.

— А мне — шоколадное, — высказала свое пожелание грустная мама, и ее тут же обдало жаркой волной возмущения.

— Или пломбир, — пронзила ее продавщица гневным взглядом, — или крем-брюле!

— Тогда — пломбир, — послушно согласилась Василисина мама и достала из плетеной сумочки точно такой же плетеный кошелечек.

— Макраме? — поинтересовалась продавщица и сначала протянула Василисе обещанное крем-брюле.

— Наверное, — проямлила не посвященная в тайны ремесла мама.

— Натe, — продавщица, моментально потеряв интерес, выдала сдачу и положила на растрескавшуюся тарелку завернутый в специальную бумажку пломбир.

— Спасибо, — еле выговорила Василисина

Не девушка, а крем-брюле

мама и через пару шагов выбросила мороженое в урну.

— Надо было брать крем-брюле, — девочка с наслаждением лизнула замороженный «гриб», отчего на шляпке осталась бежевая лакированная полоса. — Вкусно!

— Вот и хорошо, — печально вздохнула мама и стала смотреть в зеленую даль аллеи: все лавочки были заняты.

И тогда Василиса забежала вперед и протянула матери оплывающий на жаре гриб:

— Хочешь?

— Нет.

— Крем-брюле, — продолжала соблазнять Василиса, в упор глядя на цветастый материнский живот.

— Идем, крем-брюле, — улыбнулась дочери тогда еще молодая женщина и стремительно зашагала в сторону проглядывавших сквозь пыльную летнюю зелень новостроек.

И Василиса вприпрыжку побежала за ней, на ходу облизывая свой драгоценный «гриб», катастрофически уменьшающийся в размерах. Правда, по пути она еще несколько раз останавливалась, как только ее взгляд натыкался на кого-то, кто внешне напоминал ей того длинноволосого в футболке. И хотя сердце ее предательски екало, проваливаясь в живот, наполненный сладостью, Василиса тем не менее мужественно переносила свои маленькие разочарования, потому что бы-

ла умной девочкой и точно знала: от судьбы не уйдешь. Именно поэтому она с наслаждением доела мороженое и, преисполнившись лучших предчувствий, помчалась догонять мать, дав себе слово хранить верность возлюбленному из залитого солнцем трамвая.

С того незапамятного летнего дня верность стала отличительной чертой характера Василисы Ладовой. Она была верна родителям, музыкальным кумирам, нескольким киноактерам и будущей профессии, выбор которой состоялся сразу же, как только выяснилось, что крем-брюле — это знаменитый десерт, а не только название мороженого или зефира.

— Кем ты хочешь стать? — снисходительно интересовались взрослые, заранее зная примерный перечень ответов: «врачом», «учителем», «певицей» и т. д. И никто из них не был готов к тому, что изрекала пухлая белоголовая второклассница Василиса Ладова, светло-серые глаза которой смотрели на мир серьезно и строго.

— Кем-кем? — переспрашивали взрослые и бросали беспомощные взгляды на родителей Василисы.

— Кондитером, — терпеливо повторяла она бестолковым взрослым и представляла, как запишет в заповедный лакированный блокнот очередной кулинарный рецепт.

В этот момент в воздухе всегда провисала неловкая пауза, потому что взрослые как по коман-

Не девушка, а крем-брюле

де замирали. Слово «кондитер» в их консервативном сознании рождало стремительный поток вызывающих интенсивное слюноотделение образов, в результате чего перед глазами всплывало натуралистичное изображение трехэтажного торта, увенчанного огромной масляной розой, вокруг которой причудливо завивались белые кремовые вензеля.

«Сладкая женщина!» — многозначительно улыбаясь, перешептывались родительские гости и непритворно ахали, когда повзрослевшая Василиса на вытянутых руках вносила в комнату очередное произведение кондитерского искусства, призванное стать украшением стола.

— Быть тебе поваром, Васька! — гордо кричал отец, а мать строго исправляла главу семейства:

— Не поваром, Юра, а кондитером.

— Какая, хрен, разница, Галя! — пожимал плечами растроганный папаша и тянул к дочери масляные губы. — Дай поцелую!

Василиса, смущаясь, подставляла отцу щеку и торопилась оставить взрослых наедине со своим рукотворным сооружением.

Поступательное движение Василисы Ладовой к кондитерскому олимпу способствовало тому, что в ее родственно-дружеском окружении сформировалось стойкое убеждение: лучший подарок для полной девушки с белыми бровями — это книга о вкусной и здоровой пище или что-нибудь «сладенькое»: торт, конфеты, пирожные. Василиса к такому положению дел привыкла и с легко-

мысленным пристрастием продолжала пробовать на вкус все, что приносилось на алтарь будущей профессии, мечта о которой вдребезги разбилась о камни суровой действительности.

— Значит, судьба! — потупившись, сделала вывод Галина Семеновна Ладова, когда ее дочь Василиса в подарок на шестнадцатилетие получила два торта от друзей семьи, два — от бестактных родственников и один — от равнодушных к ее судьбе одноклассников. Итого — пять.

— Что ты будешь с ними делать? — неосознанно подлила масла в огонь Василисина мама и застыла возле косяка, внимательно наблюдая за дочерью.

— А что с ними делать? — искренне удивился добродушный отец семейства и достал ложку, чтобы отведать даров.

— Что, Юра, все пять? — уточнила его супруга и чуть не расплакалась, почувствовав, как сжалось от обиды нежное сердце ее дочери.

— Нет, Галя, пять не смогу, — отказался Юрий Васильевич и воткнул ложку в один из тортов. — Может, соседям раздать? Или на работу? Чё добро пропадать будет?

— Не надо, — всхлипнула обычно сдержанная именинница и, распахнув окно, один за другим выбросила с третьего этажа все пять тортов, даже не удосужившись вынуть из самого маленького мельхиоровую ложку.

— Васька! — всплеснула руками мать и попыталась обнять значительно превосходящую разме-

Не девушка, а крем-брюле

рами дочку, но не успела, та спешно ретировалась в комнату, где проревела полночи. Утром к родителям вышел совсем другой человек. Настолько другой, что Галина Семеновна на секунду поверила в переселение душ, ибо перед ней предстала ее собственная, уже покойная, учительница начальных классов по имени Нонна Сергеевна и строго сказала: «Все, хватит. Будем менять профессию. Будем менять жизнь. В конце-то концов, человек — сам кузнец своего счастья». — «Так точно!» — по-военному рявкнул Юрий Васильевич Ладов, напуганный произошедшими в дочери переменами.

— Буду врачом, — сообщила родителям Василиса. — Психиатром, — она на секунду задумалась, а потом добавила: — Или диетологом.

Галина Семеновна хотела было спросить про кондитера, но, смущенная мистическим присутствием духа первой учительницы, промолчала.

В школе известие о том, что Василиса Ладова предала профессию кондитера, было встречено без энтузиазма.

— Ты что, Ладова?! — возмутилась классная руководительница, учительница русского языка и литературы, и, облизнув губы, зашипела: — С ума сошла? За месяц до экзаменов! Мы уже все десятки укомплектовали. Мест больше нет. Ищи другую школу.

— Я не хочу другую, — отказалась Василиса и посмотрела классной руководительнице, по

прозвищу Ежиха, прямо в колючие маленькие глазки, сверкавшие из-под мохнатых с проседью бровей.

— Мало ли, ты не хочешь! Раньше надо было думать! Писала в анкете кулинарный техникум?

— Писала, — эхом отозвалась ученица.

— Вот и иди. Зря мы, что ли, тебе всей школой пятерки рисовали? Выучишься — свой цех откроешь, а то и два.

— Да она и три откроет, с вашей помощью, Лариса Михайловна, — подала голос отличница Хазова, борец за справедливость во всем мире, гроза учителей и головная боль директора.

— А ты, Юля, не вмешивайся! Без тебя как-нибудь разберемся, — заворчала усатая литераторша и попыталась свернуть этот неприятный разговор. Но Василиса (непонятно, откуда смелость взялась) нависла над ней, тщедушной и хрупкой женщиной со слабыми костями, и проговорила так же членораздельно, как говорят учителя начальной школы, когда диктуют первоклашкам их первый в жизни диктант из двух предложений:

— А вы не можете запретить мне подать документы в десятый класс, я узнавала.

— Тебе виднее! — недобро усмехнулась и поджала узкие, но ярко окрашенные губы.

— Между прочим, Ладова — по микрорайону, — встряла правозащитница Хазова и, дерзко встряхнув челкой на пол-лица, дала необходимые рекомендации: — Скажи родителям, — роль адвоката Юльке явно нравилась, — пусть сами идут

Не девушка, а крем-брюле

к директору или в районо. Время социалистического насилия ушло в прошлое. У нас, Лариса Михайловна, демократия и гласность, — напомнила отличница. — Девяносто третий год на дворе. Плюрализм и все такое прочее.

— К сожалению, — фыркнула классная руководительница, подумав, что отмена крепостного права в России была непростительной ошибкой императора, и нарочито медленно отползла в сторону, держась за сердце.

— Смотри, Ладова, сейчас скажет: «Довели до сердечного приступа», — скривилась Хазова и, подмигнув Василисе, встала в проход между рядами. — Лариса Михайловна, вам плохо?

— Да, Юля, мне плохо. Мне очень плохо, потому что ты, гордость школы, гордость класса, моя личная гордость, победительница олимпиад, девочка из хорошей, я подчеркиваю, семьи, оскорбила меня до глубины души, — Ежиха капризно фыркнула и ткнула в грудь тоненькой лапкой с красными коготками.

— Это чем это я вас оскорбила? — искренне удивилась Хазова и в два прыжка догнала классную руководительницу, направившуюся к своему столу.

— А тем, Юлечка, что обвинила меня в предвзятом отношении к одной из наших учениц. А между прочим, это ведь моя любимая ученица. Воспитанная, добрая, уважительная девочка. — Лариса Михайловна заискивающе посмотрела в глаза удивленной Василисе, за которой уже вы-